

ОЗАМКОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ И НЕЕВРОПЕЙСКИХ ФОРМ ФЕОДАЛИЗМА

Статья 2. Озамкование в Грузии в IX–XIII веках

М. В. Кирчанов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 31 августа 2022 г.

Аннотация: автор анализирует возможности использования концептов «озамкование» и «объячеивание» в изучении истории грузинского феодализма. Предполагается, что социальная и экономическая средневековая история Грузии может быть описана в рамках этой парадигмы, сформулированной П. Тубером и Р. Фоссье. Предполагается, что процессы озамкования легитимировали отношения вассалитета и сюзеренитета, стимулируя феодальный иммунитет и превращение замка в инструмент политического доминирования. Автор показывает, что озамкование институционализировало систему отношений, которые воспроизводились на различных территориальных уровнях феодального общества.

Ключевые слова: Грузия / Сакартвело, patronq̄moba / феодализм, «озамкование», «объячеивание», *šeuvaloba / tavisupleba* / иммунитет, вассальные отношения / *cinašemdgo*.

Abstract: the author analyses the possibilities of using of *incastellamento* and *d'encellulement* concepts in the study of the history of Georgian feudalism. It is assumed that the social and economic medieval history of Georgia can be understood within the framework of this paradigm, formulated by French historians Pierre Touber and Robert Fossier. It is assumed that the processes of *incastellamento* legitimized the relationship of vassalage and suzerainty, stimulating the rise and progress of feudal immunity and mutation of the castle into an instrument of political domination. The author shows that *incastellamento* institutionalised the system of relations that were reproduced at various territorial levels and local dimensions of feudal society.

Key words: Georgia / *Sakartvelo*, *patronq̄moba* / feudalism, *incastellamento*, *d'encellulement*, *šeuvaloba / tavisupleba* / immunity, vassal relations / *cinašemdgo*.

Признавая универсальность концептов «феодализм» и «средние века», ставших историографическими традициями и «большими нарративами» медиэвистики, и указывая на множественность мнений, высказываемых в научной литературе относительно возможности локализации явлений, процессов и институтов, характерных для европейского феодализма за пределами Европы в рамках этих понятий, автор представленной статьи в 2022 г. предпринял одну из первых попыток в российской медиэвистике проанализировать особенности социально-экономической истории Ирана через призму теории «озамкования» [1].

Концепция «озамкования», предложенная во французской историографии, активно используется для анализа процессов феодальной революции [2], которая описывается в категориях «великой мутации» [3], определившей основные векторы социального, экономического и политического развития Европы [4] и характеристики европейских обществ начиная с XI в. Применение данного подхода для европейского феодализма [5] в историографии не ставится под

сомнение [6]. Попытки трансплантации интерпретационных моделей, связанных с озамкованием, в неевропейские исторические контексты вызывают вполне обоснованные возражения историков, так как анализ, например, периферийных форм феодальных отношений и институтов через призму озамкования чреват искусственной актуализацией общеевропейских тенденций и игнорированием локальных и региональных особенностей. Несмотря на эти рациональные фобии академического сообщества, история периферийных стран Европы, которые географически не могут быть отнесены к классическому Западу, нередко описывается в рамках теоретического подхода феодальной революции, что автоматически предусматривает применение концептов «*incastellamento*» (озамкование) П. Тубера [7] и «*d'encellulement*» (объячеивание) Р. Фоссье [8].

Продолжая развивать идеи, высказанные нами в статье 1, в представленной работе теоретические интерпретационные модели феодальной революции, суть и значение которой раскрываются через концепции «озамкования» и «объячеивания», будут использованы для анализа особенностей развития и трансформации феодальных отношений и институтов в Грузии IX–XI вв. К аналогичной проблематике автор

обращался и ранее [9], но не ставил перед собой задачи изучения особенностей грузинского феодализма через призму именно этих теоретических подходов.

Прежде чем рассматривать процессы социально-экономического развития грузинской модели феодализма в «большом» европейском контексте через призму теории озамкования, выделим основные положения этого подхода, которые в его классической версии применяются для изучения западного, преимущественно французского и итальянского, феодализма. Строительство замков протекало стихийно, они возводились местными феодалами, которые делали это без санкции со стороны короля. Возведенные таким образом замки становились основным элементом социальной и экономической организации пространства, основной ячейкой общества в сфере распределения политической власти при условии, если таковой обладали преимущественно региональные владельцы, а роль монарха была не столь ярко выражена. Строительство замков вело к установлению системы вассально-сюзеренных отношений, что предусматривало присвоение бенефициарных прав со стороны феодалов на локальном уровне. Озамкование, таким образом, институционализировало систему формальных и неформальных связей, так как замок превращался в пространственную «ячейку» феодальной иерархии.

Начиная с 1920-х гг. история Сакартвело периода Средневековья грузинскими историками последовательно описывалась и интерпретировалась в категориях феодализма [10], что привело к трансплантации в картвельский интеллектуальный канон теоретических подходов к пониманию феодального феномена [11]. В терминологическом плане образ грузинского феодализма интерпретировался при помощи того инструментария, который применялся для изучения европейских Средних веков. Поэтому утверждения об особой роли феодализма в социальной и экономической истории Сакартвело в научной литературе успели стать общим местом. Доминирование в политическом и экономическом плане представителей феодального сословия в Грузии, как и в других регионах Европы, было связано с правом пользования и владения землей. Именно это право содействовало социальной консолидации этой группы, определяемой как династическая или родовая аристократия [12].

Оформление этого сословного сообщества в рамках феодализации [13] привело к тому, что в грузинском обществе, как полагал Г. Гасвиани, «феодализм породил различные формы собственности и владения» [14], но датировка этого процесса усложнена особенностями развития институтов в средневековой Грузии. Последние имели социальные, политические и экономические основания именно на локальном уровне, так как пространственно и территориально

выделяемое владение того или иного феодала становилось ячейкой, которая определяла основные векторы и направления социальных трансформаций. Поэтому грузинский феодализм может быть описан в тех же категориях, что, например, и французский, т. е. «как набор институтов, создающих и регулирующих обязательства повиновения и службы» [15].

Появление подобных институций грузинскими историками датируется VIII–IX вв., когда сложился «сеньориальный режим» [16], что привело к переменам, сопоставимым с теми, что имели место в Западной Европе и описаны в научной литературе в категориях «феодальной революции» [17], «великой мутации» [18] или «глубокой трансформации» [19]. Эти процессы не только изменили организацию пространства, сформировав «новые территориальные группы» [20], но и автоматически влекли за собой трансформации как системы отношений на уровне феодального сословия [21], так и повинностей со стороны податных групп населения. Суммируя все эти дефиниции, в той или иной степени связанные с процессами озамкования, российский историк-медиевист П. Ю. Уваров определяет рассматриваемый процесс как «обретение форм» [22], который не следует ограничивать регионами классического феодализма.

Проявлением последнего процесса стало превращение земельного владения из поместья в вотчину, что привело к исчезновению принципа условности и трансформации всей системы отношений в целом внутри феодального сословия [23]. Как и в других регионах Европы, в Грузии этот процесс совпал с переходом от родственного к групповому обществу [24], что существенно усложнило отношения, которые развивались вокруг права пользования землей. Эта метаморфоза в поземельных отношениях была вряд ли возможна без пространственной институционализации центральной роли средневекового сообщества, что проявилось в процессах озамкования, которое существенно переформатировало отношения между феодализмом, с одной стороны, и непосредственными производителями и другими свободными группами населения – с другой. Это привело к фактической победе принципов вассалитета [25] в рамках процесса, известного в грузинской историографии как феодальная революция [26]. Особенностью последней, что ее отличало от аналогичных процессов на территории европейского Запада, стала меньшая степень ослабления центральной, в грузинском случае – царской [27], власти. В этом контексте логично предположить, что феодализм в целом оказался участником озамкования, что и привело к его более глубокой интеграции в ту пространственную систему отношений вассалитета и сюзеренитета [28], определяемую грузинскими

историками как *samtavro-senioraluri sist'ema*, т. е. княжеско-сеньориальный строй [29], ставший результатом обьячеивания, породившего формальные и неформальные созависимости в распределении прав иммунитета и баналитета среди представителей феодального сословия.

Утверждение подобной одновременно формальной и неформальной иерархической системы привело к тому, что озамкование по факту легитимировало такое явление, как иммунитет. Последний в грузинских источниках известен как *šeuvaloba* или *tavisupleba*, а территориальное измерение его эффективности, т. е. действия, было, вероятно, ограничено теми пространствами, которые формировались в рамках озамкования. Озамкование в историографической традиции Сакартвело, благодаря исследованиям феодализма, проводимым Нико Бердзенишвили [30], известно как *akhalkalakoba*. Именно в рамках процессов озамкования вассальные отношения – *cināšemdgoṃa* – оказались в значительной степени подвержены территориализации путем раздачи земельных пожалований [31]. Эта территориализация совпала с фрагментацией феодального сообщества и его большей гетерогенизацией.

Последняя привела к фактической институционализации отношений *samsakhuri*, т. е. служения, встроенного в те ячейки, которые формировались на локальном уровне в результате озамкования. В этом контексте процессы озамкования в Грузии вели к появлению новых политических пространств [32], известных как *kveq'ana*. Последние, в свою очередь, не были монолитны, а их структура отличалась гетерогенностью, о чем, например, свидетельствует Стела цхразмийских хевисупалов, датируемая 920-ми гг., в которой упоминается Коста, бывший «правителем Картли», а также «хевисупалы... которые построили мельницы и наверху дом один, а службу обязаны 8 человек» [33]. Стела интересна упоминанием хевисупала, название должности которого происходит от слова «хеви» (ущелье) и означает «владелец хеви». В реалиях Сакартвело X в. хеви фактически было административной единицей, в то время как малые хеви входили в состав более крупных, что и отражает картвельские особенности процесса обьячеивания как формы пространственной организации функционирования феодальной иерархии.

Спустя более чем столетие Грамота Баграта IV Шио-Мгуимскому монастырю (1057 г.) фиксирует гетерогенный состав доминирующего сословия, представленного «царями, эриставами эриставов, эриставами, азнаурами, цихиставами, хевисупалами, всеми знатными и всеми исправляющими службу» [34], основу власти которого составляли принципы внутренней иерархии, основанной на поземельных отношениях, интегрированных в гетерогенную про-

странственную организацию общества, возникшую благодаря тому, что озамкование позволило сконструировать политическое пространство по принципу обьячеивания. Источник XIII в. «Жизнь царицы цариц Тамар» упоминает, что она собрала, а потом отослала местных владетелей «в крепости, во все места царства» [35]. Замок в такой системе превращался не только в средство и форму реализации власти и политического превосходства, но и в основу осуществления экономического и социального влияния [36] внутри территориально локализованных феодальных отношений патроната и зависимости [37].

Озамкование в условиях территориально ограниченных отношений вассалитета в значительной степени изменило систему земельных раздач. Последние могли иметь различные наименования, но при этом воспроизводили на локальном уровне систему, возникшую в результате озамкования, которое делает видимыми «связи, существовавшие между различными компонентами общества» [38]. Озамкование в рамках грузинской модели развития феодализма может быть прочитано как «*d'encellulement*», т. е. обьячеивание, так как вело к структуризации и воспроизводимости отношений покровительства и зависимости, первичной ячейкой которых был условный замок, что предусматривало их воспроизводство с более высокого регионального уровня на более низкие, локализованные, измерения отношений в рамках системы сюзеренитета и вассалитета [39].

Мы можем предполагать, что озамкование в Грузии произошло, как полагала М. Лордкипанидзе, хронологически близко к «великой мутации» на Западе, т. е. этот процесс на протяжении X–XI вв. [40] положил начало «высокому» средневековью, когда оформилась система, известная как *patronqṃoba* – вассально-сюзеренные отношения, характерные и для европейского Запада периода феодальной раздробленности [41]. По мнению Иванэ Джавахишвили, «грузинское патронкмоба поразительно схоже с феодальным строем Западной Европы в Средние века, с так называемым феодализмом. Как патронкмоба, так и феодализм, были общественными явлениями социальной и государственной жизни, имели общие свойства» [42]. Симон Джанашиа, развивая такое прочтение феодализма, подчеркивал, что патронкмоба была «формой внутренней организации феодалов» [43], а последняя была невозможна без ее пространственной институционализации. Гиорги Шарашидзе, продолжая развивать эти интерпретации, воспринимал XI–XIII вв. как период развитого феодализма [44], означенного пространственной организацией вассально-сюзеренных отношений, порожденных процессами территориального обьячеивания средневекового общества.

Сложившаяся система проявила свою устойчивость и оказалась эффективной, так как численность грузинского феодализма, втянутого в процессы озамкования и, как следствие, объеживания пространства, населенного носителями картвельских диалектов, была ограничена. Озамкование в Грузии не привело к бесконтрольному росту феодального сословия, и Сакартвело не страдало от «перепроизводства элит и сокращения налогооблагаемой базы» [45], хотя традиции феодальных родов [46] в этой стране сложились и оказались чрезвычайно устойчивыми [47]. Подобно Европе, где «слабеющие короли уступали инициативу знатым представителям местной власти, присваивавшим себе все больше полномочий» [48, с. 414], что в итоге и привело к «великой мутации» Запада, грузинские монархи также оказались не очень эффективны в своем противостоянии той системе, которая стала следствием объеживания политического пространства в результате озамкования. Эти два процесса в картвельских регионах привели к последствиям, сопоставимым с тем, что произошло, например, во Франции или Италии, где именно озамкование положило начало классическому феодализму, системной характеристикой которого является раздробленность.

Социально-экономическая и политическая история грузинской модели процессов «озамкования» хронологически и содержательно если не идентична, то в значительной степени совпадает с аналогичными процессами на территории европейского Запада, которые привели к «великой мутации», определившей политический облик средневековой Европы, основные векторы и траектории ее социального и экономического развития. Процессы озамкования и объеживания на территории Сакартвело актуализируют как общие, так и особенные характеристики развития феодализма в Европе, включая ее историческое ядро и периферийные, отличные от романского и германского ареала регионы. Анализ аналогичных явлений на периферийном пространстве Европы – от Балтии до Армении – представляется актуальной задачей современной российской медиевистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирчанов М. В.* Озамкование как фактор развития периферийных и неевропейских форм феодализма. Статья 1. Озамкование в Иране / М. В. Кирчанов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2022. – № 2.
2. *Morilo St. A* “Feudal Mutation”? Conceptual Tools and Historical Patterns in World History / St. Morilo // Journal of World History. – 2003. – Vol. 14, No. 4.
3. *Barendse R. J.* The Feudal Mutation : Military and Economic Transformations of the Ethnosphere in the Tenth to Thirteenth centuries / R. J. Barendse // Journal of World History. – 2003. – Vol. 14, No 4.
4. *Settia A. A.* Castelli e villaggi nell’Italia padana. Popolamento, potere e sicurezza fra IX e XIII secolo / A. A. Settia. – Napoli : Liguori, 1984.
5. *Fossier R.* Enfance de l’Europe : Xe–XIIe siècles, aspects économiques et sociaux / R. Fossier. – Paris : PUF, 1982.
6. *Toubert P.* Dalla terra ai castelli. Paesaggi, agricoltura e poteri nell’Italia medievale / P. Toubert. – Torino : Einaudi, 1997.
7. *Toubert P.* Études sur l’Italie médiévale / P. Toubert. – L. : Variorum Collected Studies, 1976.
8. *Fossier R.* Villages et villageois au Moyen Âge / R. Fossier. – Paris : Christian, 1995.
9. *Кирчанов М. В.* «Долгие» Средневековья и их исторические наследники в Грузии / М. В. Кирчанов. – Воронеж : РИТМ, 2017.
10. *Rač’velišvili K.* Sakartvelos peodalizmis ist’oria / K. Rač’velišvili. – T’pili : Sakhelgami, 1926.
11. *Dundua T.* Peodaluri Sakartvelo. Saist’orio št’udiebi / T. Dundua. – Tbilisi : Sakartvelos ist’oriis inst’it’ut’i, 2019.
12. *Suny R. G.* The Making of the Georgian Nation / R. G. Suny. – Indiana University Press, 1994.
13. *Današia S.* Sakartvelo adrindeli peodalizatsiis gzaze / S. Današia. – Tbilisi : Sakhunt’is gam-ba, 1937.
14. *Гасвиани Г. А.* Социально-экономическая структура Сванети в XI–XVIII вв. / Г. А. Гасвиани. – Тбилиси : Мецниереба, 1980.
15. *Ganshot Fr.-L.* El feudalismo / Fr.-L. Ganshot. – Barcelona : Editorial Ariel, 1975.
16. *Muskhelišvili D.* Peodaluri khanis sakartvelos ist’oriis p’eriodizatsiisatvis (IV–X sauk’uneebši) / D. Muskhelišvili // Sakartvelos metsnierebata erovnuli ak’ademiis matsne. Ist’oriis, arkeologiis, etnografiisa khelovnebis ist’oriis seria. – 1980. – № 2.
17. *Бессмертный Ю. Л.* «Феодальная революция» X–XI вв.? / Ю. Л. Бессмертный // Вопросы истории. – 1984. – № 1.
18. *Barthélemy D.* La mutation féodale, a-t-elle eu lieu? / D. Barthélemy // Annales. Économies. Sociétés. Civilisations. – 1992. – Vol. 47, No 3.
19. *Feller L.* Les Seigneurs et les paysans / L. Feller. – Paris : Armand Colin, 2005.
20. *Guerreau A.* Le feudalisme, un horizon theorique / A. Guerreau. – Paris : Le Sycomore, 1980.
21. *Poly J.-P.* The feudal Transformation 900 – 1200 / J.-P. Poly, E. Bournazel. – NY. ; L. : Holmes and Meier, 1991.
22. *Уваров П. Ю.* XII столетие и секрет средневекового Запада : обретение форм / П. Ю. Уваров // Средние века. – 2013. – Т. 74, № 3–4.
23. *Čikobava A.* Ganvitarebuli peodalizmis genezisi sakartveloši da mastan dak’avširebuli ist’oriul-geografiuli asp’ekt’ebi / A. Čikobava. – Tbilisi : Ivane Javakhišvilis sakhelobis tbilisis sakhelmts’ipo universit’et’i – Sakartvelos ist’oriis inst’it’ut’i, 2019.
24. *Hansson M.* Aristocratic landscape : the spatial ideology of the medieval aristocracy / M. Hansson. – Lund – Stockholm : Daleke Grafiska, 2006.

25. *Charachidzé G.* Introduction à l'étude de la féodalité géorgienne / G. Charachidzé. – Paris : Librairie Droz S.A., 1971.
26. *Đanašia S.* Peodaluri revolutsia Sakartveloši : nark'vevi peodalizmis ts'armoshobis ist'oriidan Sakartveloši / S. Đanašia. – T'pilisi: Sakhunt'i, 1935.
27. *Đamburia G.* Samtavro-senioraluri sist'ema adrepeodaluri khanis Sakartveloši / G. Đamburia // Đamburia G. Kartuli peodalizmis sak'itkhebi / G. Đamburia. – Tbilisi, 2007.
28. *Đamburia G.* Imunit'et'i sakartveloshi (XI–XIV ss.) / G. Đamburia // Đamburia G. Kartuli peodalizmis sak'itkhebi / G. Đamburia. – Tbilisi, 2007.
29. *Đamburia G.* Samtavro-senioraluri sist'ema ertiani monarkiis arsebobis khanaši (XI–XIV ss.) / G. Đamburia // Đamburia G. Kartuli peodalizmis sak'itkhebi / G. Đamburia. – Tbilisi, 2007.
30. *Berdzenišvili N.* Kartuli ist'origrafiis ganvitarebis mtavari khazi / N. Berdzenišvili. – Tbilisi : Metsniereba, 1964.
31. *Čikobava A.* Mevakhšebis p'olit'ek'onomia peodalur Sakartveloši / A. Čikobava // Ivane Javakhišvilis sakhelobis tbilisis sakhelmts'ipo universit'et'is. Sakartvelos ist'oriis inst'it'ut'is šromebi. – 2020. – No 16.
32. *Čikobava A.* Peodaluri revolutsia VIII–IX sauk'uneebis Sakartveloši da misi ganvitarebis ist'oriul-geograpiuli asp'ekt'ebi / A. Čikobava // Ivane Javakhišvilis sakhelobis tbilisis sakhelmts'ipo universit'et'is. Sakartvelos ist'oriis inst'it'ut'is šromebi. – 2011. – No 2.
33. Стела цкразмийских хевисупалов (923–926 гг.) // Грузинские документы IX–XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР / пер. и коммент. С. С. Какабадзе; ред. Р. Р. Орбели. – М. : Наука – ГРВЛ, 1982.
34. Грамота Баграта IV Шио-Мгуимскому монастырю (1057 г.) // Грузинские документы IX–XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР / пер. и коммент. С. С. Какабадзе ; ред. Р. Р. Орбели. – М. : Наука – ГРВЛ, 1982.
35. Памятники грузинской исторической литературы. Вып. V. Жизнь царицы цариц Тамар / пер. и введ. В. Д. Дондуа ; пр., исслед. и прим. М. М. Бердзнишвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1985.
36. *Čikobava A.* K'lasobrivi enis sak'itkhi da peodaluri urtiertobebi / A. Čikobava // Ivane Javakhišvilis sakhelobis tbilisis sakhelmts'ipo universit'et'is. Sakartvelos ist'oriis inst'it'ut'is šromebi. – 2018. – No 14.
37. *Đanašia S.* Kartuli p'at'ron-q'mobis bunebisa da ts'armošobis sak'itkhisatvis (ist'oograpiuli mimokhlva) / S. Đanašia // Tbilisis universit'et'is šremebi. – 1976. – T. 165. Humanit'aruli metsnerebani. Ist'oria, khelovnebatmtsodneoba, etnografiia.
38. *Toubert P.* Tout est document / P. Toubert // L'Ogre historien. Autour de Jacques Le Goff / eds. J. Revel, J.-C. Schmitt. – Paris : Gallimard, 1998.
39. *Čikobava A.* Vasalit'et'is sak'itkhi ganvitarebuli peodalizmis ep'okis sakartveloši / A. Čikobava // Ivane Javakhišvilis sakhelobis tbilisis sakhelmts'ipo universit'et'is. Sakartvelos ist'oriis inst'it'ut'is šromebi. – 2013. – No 7.
40. *Lortkopanidze M.* Peodaluri sakartvelos p'olit'ik'uri gaertianeba / M. Lortkopanidze. – Tbilisi, 1963.
41. *Кирчанов М. В.* Теоретические проблемы изучения грузинской «patronq'moba» как картвельской формы феодализма / М. В. Кирчанов // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2016. – № 2.
42. *Гвретишвили Д. В.* Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (самавадо-сеньории) / Д. В. Гвретишвили. – Тбилиси, 1961.
43. *Đanašia S.* Kartuli p'at'ron-q'mobis bunebisa da ts'armošobis sak'itkhisatvis / S. Đanašia // SSRK' metsnierebata ak'ademiis Sakartvelos pilialis sesia, 1939 ts'. 27–30 sekt'. Mokhsenebata tezisebi. – Tbilisi, 1939.
44. *Šarashidze G.* Šesavali kartuli peodalizmis k'vlevaži / G. Šarashidze // Modernulobis ist'oria da teoria / mtargmneli M. Mamatsašvili. – Tbilisi, 2011.
45. *Рябинин А. Л.* Китай в VII–IX веках / А. Л. Рябинин, П. Ю. Уваров // Всемирная история : в 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Наука, 2012.
46. *Bakht'adze M.* K'akhet-Heretis peodaluri sagvareuloebis ist'oriidan (XII–XIII sauk'uneebi) / M. Bakht'adze. – Tbilisi : Universali, 2008.
47. *Bakht'adze M.* Dasavlet sakartvelos peodaluri sagvareuloebis ist'oriidan / M. Bakht'adze. – Tbilisi : Universali, 2008.
48. *Уваров П. Ю.* «Великая мутация» Запада (X–XII века) / П. Ю. Уваров, Ю. Е. Арнаутова // Всемирная история : в 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Наука, 2012.

Воронежский государственный университет
Кирчанов М. В., доктор исторических наук, доцент
кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран
и кафедры истории зарубежных стран и востоковедения
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Voronezh State University
Kyrchanov M. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Regional Studies and Economies of Foreign Countries Department and History of Foreign Countries and Oriental Studies Department
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com